

*Спасая
тебя*

МИРОСЛАВА МЕЛЕНСКАЯ

Мирослава Меленская

Спасая тебя

«Литнет»

2026

Меленская М.

Спасая тебя / М. Меленская — «Литнет», 2026

Меня зовут Алиса Соколова. Три года назад я потеряла всё. Родителей, брата, веру в людей. Теперь я ношу маску ледяной бизнес-леди, а по ночам ищу убийц. Я доверяла только своему страху. До той ночи на заброшенной верфи, где пуля нашла меня быстрее правды. И где появился ОН.—Я сижу, вжавшись в стену, не дыша.— Выходите, Алиса Аркадьевна. Всё кончено. Можете мне верить.— Кто вы? — мой голос хриплый, но я бросаю слова как обвинение. — Вы с ним? Это ваша ловушка? Он медленно качает головой.— Нет. Я пришёл, чтобы не дать им убить вас. Как убили вашу семью. В истории вас ждут:♥# адекватная стойкая героиня, настоящий мужчина,♥# полное доверие между парой, совместное преодоление трудностей,♥# обязательный ХЭОтдельная благодарность за обложку Арине Фенно ♥#, а также Елене Милэй за потрясающий буктрейлер! Книга является участницей литмоба «Ты моя Вселенная»ВЫХОД ГЛАВ: Первая неделя - каждый день, далее через день

© Меленская М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Визуалы героев.	12
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Глава 4.1.	20
Глава 5.	22
Глава 6.	25
Глава 7.	28
Глава 8.	32
Глава 9.1.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог.

МОЙ МИР РУХНУЛ В ОДНУ СЕКУНДУ. ТОЛЬКО ЕГО РУКИ НЕ ДАЛИ МНЕ РАЗБИТЬСЯ.

Меня зовут Алиса Соколова. Три года назад я потеряла всё. Родителей, брата, веру в людей. Теперь я ношу маску ледяной бизнес-леди, а по ночам ищу убийц. Я доверяла только своему страху. До той ночи на заброшенной верфи, где пуля нашла меня быстрее правды.

И где появился ОН.

Марк Волков. Человек из прошлого моего отца. Тихий, опасный, непрошибаемый. Он говорит, что пришёл меня спасти. Но как верить тому, чьё молчание, возможно, стоило жизни моей семье?

Он предлагает союз. Он предлагает правду. Он смотрит на меня так, будто я — последний огонь в его потухшем мире.

Мы будем идти по краю. Сражаться с призраками и живыми врагами. И с каждым днём эта опасная близость будет становиться единственным, что греет. Он — мой щит. Но не станет ли он моей самой большой слабостью?

Это история о мести, которая стала спасением. О лжи, которая привела к правде. И о любви, которая оказалась сильнее страха.

Глава 1.

АЛИСА

Иногда мне кажется, что я до сих пор лежу на том шоссе. Стекло дождём осыпается на лицо, в ушах — тишина, что ужаснее грома, а в горле — крик, который так и не вырвался. Потом сирены. И после — чужие голоса. А дальше — вечность без них.

Три года. Тысяча девяносто пять дней, которые нужно прожить, дышать, делать вид «нормальности». Глава империи Соколовых. Сильная. Несгибаемая. Пустая.

Мой терапевт говорит, нужно «отыграть травму». Я не играю. Я охочусь.

Конверт на моём столе пахнет чужим парфюмом и затхлой пылью. Без обратного адреса. Внутри — один пожелтевший листок, вырванный из отцовского ежедневника. Его почерк, стремительный и уверенный: *«Если что-то случится — ищи на “Северной”. Доверяй только ветру»*.

Пальцы сами сжали бумагу, пока края не впились в кожу. *«Доверяй только ветру»*. Наш с отцом шифр. Шутка из детства, когда мы ходили под парусом. Значит, это не розыгрыш. Значит, он действительно боялся. Значит, я не схожу с ума, предполагая, что их «случайная» авария была тщательно спланированным убийством.

Часы показывают половину десятого вечера. Верфь «Северная» заброшена лет пять. Идеальное место для встречи с призраком. Или для ловушки.

Я не беру телохранителей. Те, кого наняла я, могли быть наняты и ими. Всё, что у меня есть — это нож в сапоге, газовый баллончик в кармане и истеричная, живая ярость где-то под рёбрами. Она одна заставляет меня двигаться.

Ночь за окном «Лексуса» — густая, бездонная, как чёрная краска. Я съезжаю с асфальта на разбитую бетонную плиту. Фары выхватывают скелеты судов, горы ржавого металла. Место, где когда-то кипела жизнь, теперь пахнет смертью и запустением.

Я глушу двигатель. Гробовая тишина.

И в этой тишине — шаги.

Не мои. Медленные. Осторожные, но такие оглушительные. Моё сердце, привыкшее за три года жить в режиме вечной тревоги, замирает, а потом начинает молотить так, будто хочет вырваться и убежать без меня.

Я выскальзываю из машины, припадаю к холодному колесу. Дыхание — клубы пара на морозном воздухе.

— Я одна! — мой голос разносится эхом, предательски выдавая мой страх. — Покажись!

Ответ приходит не голосом.

Тихий, чёткий щелчок. Знакомый до тошноты по криминальным сериалам. Глушитель.

Адреналин бьёт в виски сладко-горькой волной. Я отталкиваюсь от машины и бегу. Не к спасению — вглубь этой стальной могилы. Пуля цокает где-то сзади, отскакивая от металла. Вторая свистит у самого уха.

Я ныряю в узкий проход между двумя контейнерами, спотыкаюсь, падаю на колени. Темнота. Вонь мазута и страха. Я прижимаю ладонь ко рту, заставляя себя дышать тише. Тише. Совсем тихо.

Он где-то близко. Я слышу, как скрипит подошва по гравию. Ищет свою жертву.

Сейчас. Сейчас он найдёт. Сейчас всё закончится. Я зажмуриваюсь, готовясь к последнему выстрелу. К маминому голосу, который, говорят, слышишь в конце.

Но выстрела не последовало.

Вместо него — оглушительный лязг сорванного металла. Сверху. Прямо над нами.

Шаги моего убийцы замерли.

Я открываю глаза. В проходе, в десяти шагах от меня, стоит мужчина. Высокий, в длинном тёмном пальто.

Стоит неподвижно, как будто ждал здесь всегда. Лунный свет падает на его лицо. Скулы, твёрдый подбородок, глаза, которые даже в полутьме кажутся невероятно спокойными.

— Уходи, — говорит он. Голос низкий, ровный, без угрозы. В нём лишь констатация факта. — Она под защитой.

На долю секунды воцаряется тишина. А потом вспышка выстрела слепит меня. Он стреляет в незнакомца!

Я вскрикиваю, но мужчина даже не пошатнулся. Он просто повернул голову в сторону выстрела, будто лишь теперь обратил на стрелка внимание.

— Последний шанс, — говорит он тем же тоном, каким можно сказать «идёт дождь».

В ответ — ещё два выстрела. Быстрых, нервных.

И тогда незнакомец исчезает. Нет, он не убегает. Он двигается с такой пугающей, кошачьей грацией, что мой взгляд едва успевает за ним. Лёгкий рывок в сторону, прыжок на ящик, ещё один — и он растворяется в тени.

Слышны приглушённые звуки борьбы: короткий выдох, глухой удар, тяжёлое падение тела на бетон.

Тишина.

Я сижу, вжавшись в стену, не дыша.

— Выходите, Алиса Аркадьевна. Всё кончено. Можете мне верить.

Он знает мое имя. Конечно, знает. Ледяная волна прокатывается по спине. Из одной ловушки — в другую? В добровольно-принудительном порядке?

Я выползаю из укрытия, мои ноги дрожат, но я выпрямляюсь во весь рост. Надо встречать лицом к лицу. Гордо и уверенно, кто бы это ни был.

У самого края причала, в луже талого снега, лежит человек в чёрном. Не двигается. Над ним стоит Тот Самый. Он смотрит на меня. Не на тело у своих ног. На меня. И в его взгляде нет ни злорадства, ни торжества. Только... усталость. Глубокая, вьевшаяся в самую суть.

— Кто вы? — мой голос хриплый, но я бросаю слова как обвинение. — Вы с ним? Это ваша ловушка?

Он медленно качает головой.

— Нет. Я пришёл, чтобы не дать им убить вас. Как убили вашу семью.

Словно ледяная рука сжимает мне горло. Мир плывёт. Только не сейчас. Не надо панических атак, пожалуйста, держись...

— Что... что вы знаете? — я едва выдыхаю.

— Я знаю, что это была не авария. Знаю, что ваш отец боялся. И знаю, — он делает шаг ко мне, и я замечаю, как осторожно, почти незаметно он ставит себя между мной и темной бездной верфи, словно отгораживая, — что пока я жив, они не тронут вас снова.

— Почему? — срывается с моих губ. — Вам до этого какое дело? Нужны деньги? Кто вы такой?!

Он смотрит на меня, и в его серых глазах, наконец, появляется что-то живое. Боль. Такая знакомая боль.

— Меня зовут Марк Волков. Ваш отец был мне... всем. — Он произносит это так просто и так тяжело, что в это невозможно не поверить. — Он просил меня присмотреть за вами, если... Он просил меня защитить вас. Я опоздал тогда. И я сожалею, правда. Но не опоздаю сейчас. И впредь.

Ветер, тот самый, которому велел доверять отец, бьёт мне в лицо, холодный и резкий. Я стою перед незнакомцем, который только что спас мне жизнь и говорит слова, от которых рушится последняя стена сдержанности и хладнокровия, которую я выстроила вокруг себя.

— Допустим, я верю. Что нам делать дальше? — спрашиваю я, и ненавижу слабость в своём голосе.

Марк Волков смотрит на меня в упор, и уголок его губ чуть приподнимается. Не улыбка. Скорее, тень облегчения.

— Для начала — жить, Алиса. Всё остальное — потом. Пойдёмте. Здесь ещё не окончено. И он протягивает руку. Не чтобы взять силой. Чтобы поддержать. Чтобы вести.

Я смотрю на его ладонь. На этого незнакомца с глазами моего болезненного прошлого. И медленно, шаг за шагом, делаю выбор.

Я кладу свою руку в его.

Холодную от страха — в тёплую и твердую от решимости.

Ловушка захлопнулась. Но, кажется, впервые за три года я в ней не одна.

Глава 2.

МАРК

ЗА ДЕНЬ ДО ВСТРЕЧИ НА ВЕРФИ

Сны — это предательство памяти. В них всё искажается. Вместо того, чтобы помнить его смех — жесткий, раскатистый, от которого дрожали стёкла в кабинете, — я слышу только тишину. Вместо того, чтобы видеть их всех живыми, я вижу только одну фотографию. Ту, что в сводке новостей: развороченный автомобиль, зарево-вспышка, и подпись: *«Трагедия в семье бизнес-магната Соколова»*.

Я просыпаюсь от собственного стука сердца. Опять. В темноте тихой квартиры звук кажется пушечным выстрелом. Ладонь скользит по лицу — влажно. Не от слёз. От холодного пота. Вины и сожаления.

Он говорил: «Марк, если со мной что-то случится, посмотри за Алисой. Она огненная натура. В меня пошла. Может и спалить себя».

Аркадий Петрович. Отец. Не по крови, но по духу. По чести. Единственный человек, который увидел во вчерашнем студенте из спального района не приземленный голод, а потенциал. И научил этот потенциал направлять.

А я не уберёг.

Не уберёг его. Не уберёг его семью. Спас только её. Одну. Из этого адского огня.

Мой ноутбук на тумбочке светится тусклым синим глазом. На экране — она. Алиса Соколова. Кадры с благотворительного гала-ужина. Чёрное платье, собранные в тугую узел волосы, прямой стан. И глаза. Боже, глаза. Они смотрят в камеру, а видят, кажется, то самое шоссе. Пустые. Мёртвые. В них нет и капли того озорного огня, что был у шестнадцатилетней девочки на палубе его яхты, когда она дразнила меня, «папиного ботаника».

Они убили не только её семью. Они убили в ней свет.

Мой телефон вибрирует. Одно сообщение. От человека, чьё имя лучше никогда не проносить вслух.

«Активность вокруг “Северной”. Похоже, ищут старые отчёты по логистике. Твой выход».

Лёд сковывает внутренности. «Северная». Ключевое звено в цепи, которую я плету три года. Там хранились фальсифицированные накладные, доказывающие, что «случайная» поломка в грузовике, выехавшем на встречную полосу, была подготовлена. Кем-то из своих. Кем-то, кто имел доступ к отцовским — к его — документам.

И если «они» там роются, значит, почуяли, что Алиса не просто плывёт по течению горя. Она копает. Сама. Одинокая волчица в стае гиен.

Это самоубийство.

Я вскакиваю с кровати. Мозг, ещё секунду назад затуманенный сном, работает с холодной, хирургической точностью. Они не станут убивать ее сразу. Сначала попытаются запугать. Убедить, что она сошла с ума. Отнять последние доказательства. А потом... Потом сделают так, чтобы её смерть выглядела как продолжение трагедии. Несчастный случай. Или добровольный уход, который многим будет вполне понятен.

Но этого не будет.

Я не позволю.

НОЧЬ НА ВЕРФИ. ЗА ЧАС ДО ЕЁ ПРИЕЗДА

Ветер на верфи — единственный живой свидетель. Он воет в ржавых трубах, шуршит обрывками полиэтилена. Я занял позицию на крыше старого диспетчерского пункта. Отсюда видно всё: и въезд, и лабиринт контейнеров, и чёрную гладь воды.

Я не полицейский. Не телохранитель. Я — стратег. И миссия у меня одна: извлечь её из этой ловушки живой и невредимой. Даже если для этого придётся остаться тем, кем я стал за эти три года. Тенью с кулаками и холодным рассудком.

Когда фары её «Лексуса» разрезают тьму, что-то сжимается у меня в груди. Она приехала одна. Дура. Отважная, безумная дура. Ровно как он.

Я наблюдаю в бинокль, как она выходит из машины. Как её фигура напряжена, как голова поворачивается, сканируя темноту. Она не паникерша. Она солдат, идущий на верную смерть. От этого ещё больнее.

Их двое. Профессионалы. Подходят с разных сторон, отрезая путь к отступлению. Один остаётся у въезда. Другой начинает движение к ней.

Адреналин — старый знакомый — горьким привкусом разливается под языком. Но сейчас не время для ярости. Только холодный расчёт.

Мой план прост: выманить её преследователя в зону видимости, обезвредить, забрать Алису и исчезнуть до прихода второго. Нужно, чтобы она увидела угрозу. Поняла, что это не паранойя. Но также нужно, чтобы она увидела спасение. Увидела меня.

Когда раздаётся первый выстрел, и она бросается бежать, мое сердце делает сальто. Хорошо. Беги, девочка. Беги сюда, вот так.

Я жду, пока она нырнёт в проход между контейнерами.

Жду, пока убийца подойдёт на нужную дистанцию. А потом срываю пожарный ящик с креплений на стене. Оглушительный ляг железа по железу — идеальный отвлекающий манёвр.

Я спрыгиваю вниз, приземляясь на мягкую подошву обуви, и встаю между ней и опасностью. Вижу её распахнутые глаза в щели между контейнерами. Вижу, как в них мелькает не просто страх, а знание. Оно у неё уже есть. Она знает, что это охота.

— Уходи. Она под защитой, — говорю я в темноту. Голос звучит сухо, спокойно. Это голос Волкова. Того, каким я стал.

Он стреляет. Глупый. Азартный. Я не двигаюсь, давая ему понять: ты промахнулся. Шанс упустил.

Второй и третий выстрелы — это уже голая паника. Хорошо. На панике совершают ошибки. И сыграть они могут на руку только твоему сопернику.

Я двигаюсь. Не так, как учили в той конторе, куда я ходил три месяца после их смерти. А как учил он: эффективно, без лишнего шума. Парень даже ахнуть не успел. Одним точным ударом в шею я отправляю его в объятия той самой тьмы, в которую он хотел отправить её.

Тишина. Только ветер и её прерывистое дыхание где-то в темноте.

— Выходите, Алиса Аркадьевна. Всё кончено.

Она выходит. Дрожит, но гордо подняв голову. Смотрит на меня с ненавистью, с недоверием. И спрашивает, не мой ли это человек.

И тогда я понимаю — худшее, что я могу сделать, это солгать ей. Хотя в чём-то. Она живёт во лжи три года. Правда, даже горькая, — единственное, что может её не сломать, а построить заново.

Я говорю, что пришёл её спасти. Говорю, что знаю про убийство. Вижу, как эти слова бьют по ней, как нож, как она буквально гнётся под их тяжестью.

И когда она спрашивает «почему?», я делаю то, на что не решался три года. Снимаю первую маску. Ту, за которой скрывалась только боль.

— Меня зовут Марк Волков. Ваш отец был мне... всем.

В её глазах — шторм. Недоверие, надежда, ярость, отчаяние. Она на грани. Один неверный шаг — и она сломается или убежит. Навсегда.

Я протягиваю руку. Не как захват. Как мост. Как предложение альянса. Как обещание.

И она... кладёт свою. Холодную, маленькую, невероятно хрупкую на вид.

В тот момент, когда её пальцы касаются моей ладони, что-то щёлкает внутри. Треск ломающегося льда. Не вокруг. Во мне.

Три года я носил свою вину, как каменный панцирь. Дышал мстостью. Жил защитой, которую не смог обеспечить.

А сейчас, держа её руку, я впервые понимаю: это не долг. Это не искупление.

Это начало.

И чтобы сдержать это новое, хрупкое начало в живых, я стану убийцей, если это потребуется. Не задумываясь. Потому что она — последнее, что осталось от него. От них. И, кажется, единственное, что начало оттаивать во мне самом.

Мы идём к моей машине, и я всё ещё держу её руку. Она не вырывается. И я клянусь себе в тишине:

«Никто больше не причинит тебе боли. Никто. Пока я дышу.»

Книга является участницей литмоба <https://litnet.com/shrt/8N3v> "Ты моя Вселенная"

Визуалы героев.

Образ *АЛИСЫ СОКОЛОВОЙ*

· *Возраст:* 28 лет.

· *Внешность:* Утонченная красота, скрывающая стальную волю. Взгляд одновременно умный и раненый. Она одевается строго, как в современные доспехи. Предпочитает легкие платья дома, когда можно быть просто собой.

· *Внутренний мир:* Живет с чувством вины (она поссорилась с семьей перед аварией). Ею движет не только жажда справедливости, но и отчаянная попытка доказать, что она достойна наследия своего отца, а не просто получила его по праву крови. Управление империей для нее — способ сохранить связь с отцом, но каждая деловая победа горчит, потому что не с кем разделить радость.

· *Кризис:* Она не просто ведет расследование — она живет в нем. Ее квартира превращена в штаб, стены увешаны фотографиями, ниточками. Она на грани выгорания и паранойи, потому что не знает, кому доверять.

=====

Образ *МАРКА ВОЛКОВА*

· *Возраст:* 32 года.

· *Прошлое:* Да, он протеже её отца. Но не из детдома, а из бедной, но честной семьи, где отец Аркадий увидел блестящий ум и, что важнее, кристальную честность и доброту. Аркадий был для Марка отцом-наставником, но главным его уроком было: «Сила — в том, чтобы защищать, а не властвовать. Богатство — в том, чтобы создавать, а не отнимать».

· *Характер:* Абсолютный «зелёный флаг». Спокоен, надежен, эмоционально зрел. Его сила — не в угрозах, а в непоколебимости. Он не играет в игры, его слова = правда = действие. Он умеет слушать и слышать. Его гнев праведен и направлен только на тех, кто причиняет зло.

· *Мотивация:* Он любил отца Аркадия и его семью как свою. Его главная боль и вина — что он не смог их защитить тогда. Его миссия — защитить Алису сейчас, не из долга, а из глубокой, давней привязанности, которая с первой их встречи в новой реальности начинает перерастать в нечто большее. Он видит в ней не слабую жертву, а сильную, израненную женщину, которой нужен не рыцарь на белом коне, а союзник и стена, в которую можно упереться спиной.

Глава 3.

АЛИСА

СПУСТЯ ЧАС ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ. В МАШИНЕ МАРКА

Тишина в его машине оглушительна. Не та напряжённая тишина, что была на верфи, а густая, плотная, как вата. Я сижу на пассажирском сиденье, смотрю в боковое стекло на мелькающие огни ночного города и чувствую себя абсолютно пустой. Как будто все эмоции — страх, ярость, шок — выжгли меня изнутри, оставив только пепел и лёгкую дрожь в коленях.

Я краем глаза смотрю на него. Марк Волков. Руки уверенно лежат на руле. Взгляд прикован к дороге. Профиль жёсткий, незнакомый, и в то же время... в памяти всплывает что-то смутное. Лето. Дача. Папа за большим столом, а рядом с ним — молодой парень, почти юноша, с серьёзным лицом, внимательно слушающий. Его протеже. «У Марка ум, как скальпель, — хвастался тогда отец. — Разрежет любую проблему». Я тогда скептически фыркнула. Какая проблема может быть у этого очкарика?

Очкарик вырос. Вырос в человека, который одной левой обезвредил киллера. Который нашёл меня в этой тьме. Который смотрит на меня не с жалостью, а с... пониманием?

— Куда мы едем? — мой голос звучит сипло, будто я всю ночь кричала.

— В безопасное место, — он отвечает, не поворачивая головы. — Вашу квартиру и офис, с вашего позволения, нужно будет проверить на прослушку и слежку.

— У меня охрана. Своя.

— Которая могла быть куплена, — он говорит без упрёка. Просто констатирует. — Три года — долгий срок. У них было время внедрить своих людей повсюду. В том числе в ваше ближайшее окружение.

От его слов становится физически холодно. Я думала, моя подозрительность достигла предела. Оказывается, нет.

— А вы? — я поворачиваюсь к нему. — Почему вы не куплены? Почему я должна вам верить?

Он на секунду отрывает взгляд от дороги. Его серые глаза встречаются с моими. В них нет игры. Нет уклончивости.

— Вам не нужно мне верить, Алиса. Вам нужно проверить. Всё, что я скажу. Каждый факт. Я дам вам все инструменты для проверки. А пока — примите как данность: моя цель — ваша безопасность. Всё остальное вторично.

Он говорит так убедительно. Так... искренне. Или он гениальный актёр.

— Вы сказали, что знаете, кто они.

— Я знаю, с чего начать искать. И знаю, что ваш отец вёл своё расследование. Он что-то нашёл. И за это поплатился. Я искал его архив три года. «Северная» была ключом. И, судя по сегодняшней «встрече», они это знают.

Архив. Папин архив. У меня в сейфе лежат только его личные дневники, полные любви к маме, забавных случаев со мной и братом. Ничего о бизнесе. Значит, он его скрыл.

— Что мы будем делать? — снова задаю я этот беспомощный вопрос.

— Сначала — отдых. Вы в шоке. Принятие решений в таком состоянии ведёт к ошибкам. Потом — системный анализ. У вас есть доступ ко всей финансовой отчётности холдинга за последние... лет десять?

— Да, — киваю я. — Но это горы документов. Десятки юристов и аудиторов их проверяли. Ничего не нашли.

— Они искали финансовые нарушения. А мы будем искать людей, — его голос звучит почти нежно. — Нестыковки в логистике, как сегодня. Внезапные кадровые перестановки в ключевых отделах за год до аварии. Необъяснимые личные связи. Ваш отец был блестящим

стратегом. Если он что-то прятал, он делал это не в отчёте о прибылях, а в паттернах поведения людей.

В его словах есть чёткая, железная логика. Та самая, что была у отца. Она успокаивает больше, чем любые слова сочувствия.

Машина съезжает с оживлённой улицы в тихий, престижный район, останавливается у неприметного, но современного клубного дома.

— Это ваше? — спрашиваю я.

— Одно из. На подставное лицо. Безопасно. Не бойтесь.

Он выходит, обходит машину и открывает мне дверь. Старомодная, почти рыцарская вежливость. Я выхожу, и ноги снова подкашиваются — от усталости, от свалившегося груза. Я спотыкаюсь.

Его рука мгновенно оказывается у меня под локтем, крепко, но нежно поддерживая.

— Тише. Я тут. Все хорошо.

От его прикосновения и этих тихих слов по спине бегут мурашки. Не от страха. От чего-то другого. От забытого чувства, что ты не один. Что кто-то может быть... опорой.

Мы поднимаемся на лифте на самый верхний этаж. Его квартира просторная, минималистичная, почти стерильная. Ничего лишнего. Как лагерь полковника.

— Вторая спальня там. Всё новое. Душ, может быть, горячий чай? — он говорит, снимая пальто.

— Чай, — автоматически отвечаю я. И тут до меня доходит весь сюрреализм ситуации. Я, Алиса Соколова, в три часа ночи в квартире незнакомого мужчины, который только что убил (обезвредил?) человека ради меня, и мы говорим о чае.

Я смотрю на его спину, когда он движется на кухню. Широкие плечи, собранные, точные движения. В нём нет суеты. Есть... надёжность. Материальная, почти осязаемая.

И внезапно, меня накрывает. Всё. Дрожь начинается изнутри, мелкая, неконтролируемая. Зубы стучат. Я обхватываю себя руками, но это не помогает. Картина верфи, выстрел, его фигура в темноте, лицо того человека в грязи... Всё крутится перед глазами каруселью ужаса.

— Эй... — его голос звучит прямо рядом. Я даже не слышала, как он подошёл. — Всё закончилось. Дышите. Глубоко. Со мной.

Он не обнимает меня. Не пытается прижать к себе. Он просто стоит передо мной, кладёт свои большие, тёплые ладони мне на плечи и смотрит в глаза.

— Вдох. Раз-два-три. Выдох. Молодец. Ещё.

Я, как послушный ребенок, следую его командам. Его спокойствие, как волна, накрывает мою панику. Дрожь понемногу стихает. В горле стоит ком, но слёз нет. Я уже выплакала все слёзы три года назад.

— Простите, — выдыхаю я.

— Не извиняйтесь. Это нормальная реакция организма на ненормальную ситуацию. Вы только что прошли через смертельную опасность. Дайте себе время.

Он ведёт меня на диван, укутывает пледом, который оказался тут в нужный момент, приносит кружку с дымящимся чаем. Ромашка, лимон, мёд.

— Пейте. Это поможет.

Я беру кружку, прижимаю ладони к горячему фарфору. Тепло проникает в окоченевшие пальцы.

— Что теперь? — шепчу я, уставившись в чай.

— Теперь вы пьёте чай. Ложитесь спать. А утром мы начнём всё с чистого листа. С системой. С планом. Я не оставлю вас, Алиса. Обещаю.

Я поднимаю на него взгляд. В его глазах — не жалость. Твёрдая, как гранит, решимость. И что-то ещё... Бережность. Как будто я хрустальная ваза, которую только что едва не разбили.

И в этой тишине, под его спокойным, уверенным взглядом, во мне впервые за три года шевельнулось нечто, кроме боли и гнева.

Слабая, робкая искра надежды.

Он прав. Я в безопасности. Пока он здесь.

И этот факт пугает почти так же сильно, как выстрелы в темноте. Потому что я начинаю от него зависеть. А зависимость — это слабость. Это точка, в которую можно ударить.

Но сейчас... Сейчас я слишком устала, чтобы сопротивляться этому чувству защищённости.

Я отпиваю глоток горячего, сладкого чая. И киваю.

Книга участвует в литмобе “Ты моя вселенная”

Знакомьтесь с остросюжетной новинкой 16+ от автора **Елена Милэй**

«Я – Руслан Людмилы. Вернувшийся из ниоткуда» <https://litnet.com/shrt/dXn4>

«Я уехала, чтобы спрятаться от прошлого. А нашла человека, который вернул мне будущее.»

Глава 4.

МАРК

УТРО ПОСЛЕ. КУХНЯ В МОЕЙ КВАРТИРЕ

Осенний рассвет не рассветает. Он просто медленно разбавляет ночную тьму серой, бесцветной водой. Я стою у панорамного окна, смотрю, как по стеклу стекают капли той самой измороси, и чувствую на спине её взгляд.

Алиса проснулась десять минут назад. Я слышал сдержанное движение, шорох ткани — плед. Она не вскочила, не засуетилась. Она, как и я, сначала оценила обстановку: безопасность, угрозы, пути отхода. Солдатский инстинкт. Его в ней воспитало горе.

Я поворачиваюсь, держа в руках две кружки с крепким кофе.

— Доброе утро. Без новых происшествий, — говорю я, протягивая ей одну из кружек. — Как самочувствие?

Она принимает кружку, её пальцы слегка касаются моих. Холодные.

— Как будто меня переехал грузовик. Тот самый, — её голос хрипловат от сна, но в нём уже нет вчерашней паники. Есть усталость и та самая сталь. Она делает глоток и морщится. — Крепкий.

— Будет долгий день. Нужна концентрация.

Она кивает, подходит к окну, стоит рядом. Не близко. Но и не далеко. Её плечо в полуметре от моего. Достаточно, чтобы чувствовать её присутствие. Словно слабое магнитное поле.

— С чего начнём? — спрашивает она, глядя на серый город.

— С завтрака. Потом — с цифр. У меня есть флэшка. Данные за пять лет до... до аварии. Логистика, кадры, контракты на обслуживание автопарка. Всё, что казалось незначительным. Я искал аномалии. Нашёл несколько.

Она резко оборачивается.

— И? Что вы нашли?

— Не «что». «Кого». Одного человека. Начальника службы безопасности вашего — его — автопарка. Дмитрия Сорокина. За месяц до аварии он оформил страховку на крупную сумму на жену и дочь. Через неделю после аварии — уволился «по собственному» и исчез. Не уехал. Исчез.

Я вижу, как её лицо теряет последние следы сна. Глаза сужаются, в них вспыхивает тот самый опасный, холодный огонь.

— Где он?

— Этого я не знаю. Но знаю, где может быть его цифровой след. И для этого мне нужен ваш доступ ко внутренней почте холдинга. Не текущей. Архивной. За тот период.

Она замирает. Доверить мне доступ — всё равно что вручить ключи от сейфа. Не только от бизнеса. От её последней крепости.

— Почему я должна?

— Потому что я уже три года собираю этот пазл, и у меня нет мотива его портить. Мотив есть у них. Они уже стреляли в вас, Алиса. Архив — это не просто данные. Это приманка. И мы можем использовать её, чтобы выманить того, кто за этим стоит. Но для этого нужно действовать с вашего официального аккаунта. Чтобы они видели активность и... занервничали.

Она долго смотрит на меня. Ищет подвох, ложь, игру. Я не отвожу взгляд. Пусть видит всё. Усталость. Решимость. Боль, которую я ношу, как и она.

— Хорошо, — наконец говорит она. Тихо, но чётко. — Но только с моих устройств. И я смотрю всё, что вы делаете.

— Так и задумано, — я опускаю кружку на стол. — Вы — лучший контролёр. Вы знаете бизнес изнутри. Я вижу только цифры и связи. Вы увидите смысл.

Это не лесть. Это подлинный факт. И она это чувствует.

Час спустя мы сидим за большим столом в гостиной. Её ноутбук, мой планшет, принтер жужжит, распечатывая графики и списки. Воздух густеет от концентрации.

Именно в этот момент мой «чистый», ни на что не зарегистрированный телефон вибрирует в кармане. Одно сообщение. От того же номера.

«Сорокина нашли. Неживого. Пригородная свалка. Предсмертная записка „из-за долгов“. Чистая работа».

Лёд пронзает меня от макушки до пят. Они опередили. На несколько часов. Значит, они следят не только за ней. Они видят моё движение. Или... Или в самой цепочке моих данных есть утечка.

Я поднимаю взгляд. Алиса, уткнувшись в экран, что-то помечает, её брови сведены.

— Марк, смотрите, — она поворачивает ноутбук экраном ко мне. — Этот контракт на IT-обслуживание... Он был заключён за год. С фирмой-однодневкой. Её потом поглотила более крупная структура. Обратите внимание, кто гендиректор...

Я смотрю. И вижу фамилию. Второстепенный, но знакомый акционер холдинга. Дядя её бывшего парня. Совпадение? В нашем деле совпадений не бывает.

И тут я принимаю решение. Стратегическое. Рискованное.

— Алиса.

Она смотрит на меня. Видит что-то в моём лице.

— Что?

— Сорокина нашли мёртвым. Сегодня утром.

Она бледнеет. Но не кричит. Её рука сжимает мышку так, что костяшки белеют.

— Как...

— Официально — самоубийство. Якобы долги поджали. Но это значит только одно: они знают, что мы вышли на этот след. И они подчищают все улики. Быстро и эффективно.

В её глазах мелькает знакомая тень — паника, готовность бежать, спрятаться.

— Мы в опасности здесь?

— Нет. Это место чистое. Но наше преимущество — время — тает. Им нужно замести следы окончательно. А главный след для них сейчас... — я делаю паузу, — это не только документы. Это вы. Живая свидетельница, которая не успокоилась.

Она откидывается на спинку стула, закрывает глаза. Вижу, как под её тонкими веками бегут тени мыслей, страшных догадок.

— Значит... атака будет на меня. Снова.

— Не обязательно прямая. Авария была идеальным прикрытием. Они попробуют что-то похожее. Дискредитацию. Психиатрию. Или... компромисс, на который вам придётся пойти, чтобы сохранить лицо компании.

Она открывает глаза. И в них — уже не страх, а та самая сталь. Та, что режет.

— Я ничего не буду сохранять. Я всё сожгу, чтобы дойти до них.

— Этого они и боятся, — я встаю, подхожу к окну. Дождь усилился. — Поэтому нам нужно сделать то, чего они не ждут.

— Что?

— Пойти в наступление. Не ждать, пока они обрежут ещё одну нить. Найти следующую. И дернуть за неё так сильно, чтобы дрогнула вся их сеть. Публично.

Она молчит. Потом медленно поднимается и встаёт рядом со мной, тоже глядя на дождь за окном.

— Публично? Значит, придётся выходить из тени. Ставить себя под удар.

— Мы уже под ударом. Разница в том, что в тени они стреляют из темноты. На свету им придётся целиться при свидетелях. И ошибаться. А я не дам им промахнуться второй раз. Потому что у них не будет и попытки.

Я поворачиваюсь к ней. Мы стоим лицом к лицу. Всего в полушаге. В комнате тихо, только шум дождя за стеклом.

— Вы доверяете мне? — спрашиваю я. Самый главный вопрос.

Она не отвечает сразу. Смотрит мне в глаза, ищет последние сомнения.

— Я верю, что у нас одна цель. И что вы... единственный, кто говорит со мной прямо. Без жалости. Как с равным. Даже после вчерашнего.

Это не «да». Но это больше, чем я ожидал. Это начало.

— Тогда слушайте план, — я говорю тихо, но так, чтобы каждое слово врезалось в память. — Через три дня — совет директоров. Вы пойдёте на него. И внесёте предложение о назначении независимого аудита не финансов, а безопасности. Всей цепочки поставок за последние пять лет. С привлечением... определённых мной людей. Это будет громко. Это вызовет панику. И кто-то обязательно дрогнет.

Она задумывается. Я вижу, как в её голове просчитываются риски, ходы.

— А если они проголосуют против? Или сорвут заседание?

— Тогда мы действуем по плану «Б». У меня есть на каждого из них досье. Не уголовное. Моральное. Кому-то достаточно намёка на его любовницу, чтобы он перестал быть проблемой. Мы играем грязно? Да. Но они начали эту игру, когда убили ваших родителей и брата.

Её дыхание на секунду сбивается при этих словах. Но она кивает.

— Хорошо. Я вхожу в этот совет как призрак уже три года. Пора напомнить им, чья это компания. Кому принадлежит власть.

В её голосе звучит не детская обида, а безоговорочная, наследственная власть. Власть, которую она до сих пор боялась использовать. Страх сменяется гневом. А гнев — лучшая броня.

— Спасибо, — вдруг говорит она, совсем тихо.

— За что?

— За то, что не говорите «не бойся». За то, что не обещаете, что будет легко. За то, что даёте оружие, а не прячете за спину.

Я смотрю на эту хрупкую, невероятно сильную женщину, которая за одну ночь перешла от жертвы к союзнику в войне. И чувствую что-то новое. Не только долг. Не только ярость.

Чувство, от которого сжимается горло. Чувство гордости. За неё.

— Мы сделаем это, Алиса. Мы найдём их. И мы сделаем так, чтобы они предстали перед законом. Или перед тем судом, который устроим им сами. Но это будет наш выбор.

Она протягивает руку — не для пожатия, а для обхвата запястья. Старинный жест воинов перед битвой.

— Вместе.

Я кладу свою ладонь поверх её запястья в ответном жесте. Теплота против прохлады. Сила против силы. Договор.

— Вместе.

За окном льёт осенний дождь. Он смывает грязь с улиц. А мы начинаем смывать ложь с нашей жизни. Камень за камнем.

И я знаю — следующий выстрел не заставит себя ждать. Но на этот раз мы будем готовы. Оба.

Книга участвует в ЛитМобе «Ты моя вселенная»

Знакомьтесь с остросюжетной историей, автор **Ирина Дарья**

«Иван да Марья. Тёмные воды всё знают»

<https://litnet.com/shrt/Dphe>

«Их души обожжены болью, а сердца полны ярости. Впереди — лишь дорога к возмездию и вопросы без ответов».

Глава 4.1.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ

АЛИСА

Марк ушёл «за оборудованием», что бы это ни значило. Оставил меня одну с тишиной, ноутбуком и гудящими мыслями.

Я обхожу квартиру. Стерильно. Ни фотографий, ни безделушек. Как будто он никогда по-настоящему здесь не жил, а только нёс вахту. В спальне — одна книга на тумбочке.

Старый, потрёпанный томик Сент-Экзюпери. «Маленький принц». Загнута страница. Я открываю.

«...ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Подчеркнуто. Чёрными чернилами, чётко, как приказ.

Сердце ёкает. Он приручил кого-то? Или чувствует себя приручённым? Ответственным за моих родителей? За меня?

Я закрываю книгу, будто обожглась. Не сейчас. Нельзя сейчас расковыривать его раны. У нас операция. Нужен ясный ум.

Возвращаюсь к столу. Решаю проверить то, о чём он не просил. Соцсети. Вернее, их отсутствие. Марк Волков. Запрос выдаёт сухое: гендиректор консалтинговой компании «Волк». Ни фото, ни друзей, ни постов. Цифровая тень.

А потом я вспоминаю. Пароль от отцовского облака. Тот, что он говорил мне в день моего шестнадцатилетия: «Кличка моей первой собаки плюс дата, когда я встретил твою маму».

Ричард.130984.

Пальцы дрожат, когда я вбиваю данные. Отказ. Потом — мысль. Он сменил бы пароль, если боялся. Но мог оставить ключ. Я пробую вариации. Ричард130984. Ричард1984. RICHARD1309...

И... вход.

Папки. Десятки папок. «Проект «Северный ветер». «Контрагенты — красные флаги». «М.В. — отчёты».

«М.В.» Марк Волков.

Я открываю. И мир переворачивается.

Это не бизнес-отчёты. Это... досье. На людей из нашего круга. Вся подноготная. На дядю Степана, на партнёра отца по яхт-клубу, на мою же крестную. Подробно, с датами, встречами, перечислением странных транзакций. И пометки отца: «Проверить через М.», «М. подтверждает», «М. советует осторожность».

Значит, Марк не просто «помогал». Он был правой рукой отца в этом тайном расследовании. Глазами и ушами. А я... я три года считала его одним из предателей, который молчал.

И в самом низу — один файл. «Для Алисы. Только если...»

Я открываю его. Видеозапись.

На экране — папин кабинет. Он сидит за столом, выглядит усталым, но собранным.

«Алиска, если ты это смотришь, значит, я не сумел... Сумел только подготовить тебе защиту. Не верь никому. Ни дяде Степану, ни... впрочем, ты поймёшь. Доверяй только Марку. Он — единственный, кто чист в этой истории. Я просил его отойти, не ввязываться, но он... он как сын. Упрямый. Честный. Если он рядом с тобой — слушайся его. Как слушалась меня. Прости меня за всё...»

Запись обрывается.

Я сижу, и слёзы по щекам текут сами. Не истерично. Тихо, горячими, очищающими струйками. Это первый голос из прошлого, который не во сне. Который говорит правду. И эта правда носит имя Марк.

Ключ поворачивается в дверном замке. Я быстро вытираю лицо, но красные глаза не скрыть.

Он заходит, несёт две неприметные коробки. Видит меня, видит открытый ноутбук, застывшее видео. Его лицо не меняется, только взгляд становится пристальным.

— Нашла, — говорит он без упрёка.

— Почему ты не сказал? — мой голос срывается. Я перешла на «ты» без разрешения, потому что оно и не нужно. Не нам. — Почему не показал это сразу?

Он медленно ставит коробки, подходит. Не садится рядом. Останавливается в шаге, давая мне пространство.

— Потому что слова ничего не стоят. Потому что ты должна была сама выбрать — верить мне или нет. Не из-за его завещания. А из-за моих действий. Его слово — ключ. Но дверь открываешь ты.

Он прав. Снова прав. Если бы он вчера начал с этого видео, я сочла бы его искусным манипулятором.

— Он называл тебя сыном, — выдыхаю я.

Марк отводит взгляд, его челюсть напрягается. Видно, как больно это слышать.

— Для меня это была честь. Которую я не оправдал.

— Ты оправдываешь её сейчас. Со мной. Каждую секунду. Я понимаю, тебе тоже больно.

Впервые за всё время я вижу, как что-то трескается в его броне. Глаза становятся влажными на долю секунды. Он делает резкий вдох, кивает, не в силах говорить.

И в этой тишине, наполненной болью и правдой, наш союз перестаёт быть тактическим. Он становится семейным делом. Священной мстостью и долгом памяти.

— Что в коробках? — спрашиваю я, чтобы дать ему время собраться.

Он приходит в себя, открывает одну. Оттуда он достаёт... обычные смартфоны, пачку сим-карт, какие-то маленькие приборчики.

— Оборудование. «Чистые» телефоны. Глушители сигнала. Трекеры. И кое-что для совета директоров, — он достаёт тонкое, похожее на браслет, устройство. — Это передатчик паники и прослушки в одном флаконе. Надел — и я буду слышать всё, что происходит в зале. В реальном времени.

Я смотрю на эти шпионские штучки, на этого человека, который живёт в мире, где такое — первоочередная необходимость. И понимаю, в какую игру мы ввязались. Не в корпоративные склоки. В войну.

— Хорошо, — говорю я твёрдо. — Учи меня. Всему. Я не хочу быть слабым звеном.

Марк смотрит на меня, и в уголке его губ появляется то самое, едва уловимое, подобие улыбки. В ней — уважение.

— Ты им никогда и не была. Но научить тебя всему, что знаю сам... это, пожалуй, лучший план из всех.

Он протягивает мне один из «чистых» телефонов. Я беру его. Пластик тёплый от его руки.

Наша совместная зима только начинается. Но в этой квартире, среди коробок с гаджетами и груза старой боли, мы только что зажгли первую, крошечную, непобедимую искру нашего общего дела. И пощады врагам не будет.

Встречайте новинку ЛитМоба «Ты моя вселенная» — «Пока ты рядом. Реабилитация любви», автор **Diva**

<https://litnet.com/shrt/1xay>

«Когда привычная жизнь кончилась, начинается другая — где не нужны слова, потому что достаточно взгляда, шага навстречу, тихого дыхания рядом»

Глава 5.

АЛИСА

СЛЕДУЮЩИЕ ДВА ДНЯ. ЕГО КВАРТИРА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ШТАБ

Время в нашем новом, странном мирке перестало течь привычно. Оно дробится на сессии: «цифровая гигиена», «психология манипуляций», «анализ протоколов заседаний». Марк оказался безжалостным, но блестящим учителем. Его спокойный голос разбирает по косточкам каждый мой жест, каждую возможную реплику, как хирург.

— На совете не смотри в окно, когда говорит Борис Леонидович, — говорит он, расхаживая по гостиной. Мы репетируем. — Он интерпретирует это как неуважение и перейдёт в контратаку. Смотри на руки. На его перстень-печатку. Кивай. Он тщеславен, ему нужно ощущение, что его монолог впитывают.

— А если он несёт откровенную чушь? — спрашиваю я, чувствуя, как возвращается привычное раздражение. Этот Борис Леонидович всегда вёл себя как слон в посудной лавке — не к месту.

— Тогда думай о чём-то приятном. О первом куске торта в детстве. О запахе старой папиной библиотеки. Но лицо держи в нейтрально-заинтересованном состоянии. Твой внутренний мир — твоя крепость. Не вывешивай на стенах знамёна гнева.

О папиной библиотеке. Он знает. Помнит. От этого щемит внутри. Он был частью тех самых, приятных воспоминаний. Сидел в том кресле у окна, споря с отцом о чём-то...

— Сосредоточься, Алиса. Следующий сценарий. Тебе задают провокационный вопрос о целесообразности содержания убыточного детского лагеря «Орлёнок». Что отвечаешь?

Я вздрагиваю, возвращаясь в настоящее. «Орлёнок» — папина самая душевная, самая убыточная и самая любимая «игрушка».

— Отвечаю, что это вопрос репутации, а не баланса. Что это наследие основателя...

— Слабовато. Звучит как оправдание. Говори о цифрах. Не об убытках, а о проценте детей из этого лагеря, которые потом поступают на целевые места в наши корпоративные ВУЗы. О социальных программах, которые снижают налогооблагаемую базу. Преврати сантименты в стратегию. Его язык — цифры. Говори на нём.

Он прав. Всегда прав. Это и восхищает, и бесит.

Вечером второго дня мозг превращается в кашу. Мы сидим на полу перед низким столом, заваленным распечатками. Я чувствую, как веки наливаются свинцом.

— Хватит на сегодня, — говорит Марк, замечая мою борьбу с усталостью. — Закончим на позитивной ноте.

— На какой ещё позитивной ноте? — я с трудом сдерживаю зевок.

— На практической. Дай руку.

Он берёт то самое устройство-браслет. Оно выглядит как лаконичный спортивный аксессуар из чёрного титана.

— Это не просто «тревожная кнопка». Это твой голос в моих ушах. И моё ухо в твоей реальности. Надеваешь вот так. — Его пальцы, тёплые и уверенные, застёгивают застёжку на моём запястье. Прикосновение короткое, деловое, но по коже пробегают мурашки. — Двойное нажатие сброса — сигнал «внимание». Тройное — «нужна помощь». Оно всегда на связи. Микрофон чувствительный, улавливает всё в радиусе пяти метров.

Я смотрю на браслет. Он кажется невесомым, но ощущается как наручники. И как щит одновременно.

— А если... они обыщут? Найдут?

— Не найдут. Это не металл, который можно обнаружить рамкой. Это композит. А если спросят — скажешь, это монитор стресса и сердечного ритма. После внезапного «приступа» на верфи — вполне логично.

После «приступа». Он всё продумал. До мелочей.

— Ты всегда так живёшь? — спрашиваю я тихо. — Просчитываешь всё на десять шагов вперёд? Даже... как дышать?

Он слегка откидывается на локти, смотрит на потолок. В его позе впервые появляется тень усталости, которую он не скрывает.

— Последние три года — да. Раньше... раньше я просто строил. Помогал ему строить империю. Думал, мы меняем мир. Делаем его... справедливее. — Он усмехается, но в звуке нет веселья. — Наивно.

— Это не наивно. Это... правильно, — говорю я, и сама удивляюсь своим словам. — Он так и думал. И ты был частью этой правильности.

Марк поворачивает голову, смотрит на меня. В свете настольной лампы его глаза кажутся не серыми, а цвета тёплого камня.

— Спасибо. За эти слова. Правда.

Тишина повисает между нами.

Не неловкая, а густая, насыщенная общими воспоминаниями, которых, оказывается, так много.

— Расскажи что-нибудь о нём, — прошу я вдруг. — Что я, может, не знала. О работе.

Марк задумывается.

— Он... ненавидел беспорядок на столе, но в документах мог запутаться так, что только он сам понимал свою систему. У него был зелёный маркер. Им он помечал пункты в контрактах, которые были принципиальны. Не по деньгам. По чести. «Это, Марк, неприкасаемо. Здесь мы не отступаем, даже если золотые горы сулят». — Голос Марка становится тише, но твёрже. — В сделке с немцами, помню, был пункт об экологической экспертизе. Они хотели его вычеркнуть. Он положил этот зелёный маркер поперёк контракта и сказал: «Либо оставляете, либо я улетаю сегодня же. Моя дочь будет купаться в этой реке». Оставили.

История, как удар в солнечное сплетение. Я помню ту поездку на дачу, к реке. Помню, как он, папа, с гордостью сказал: «Вода чистая, как слеза. Верб мне на все сто». А я не знала, какой ценой досталась чистота.

— Спасибо, — шепчу я, глотая ком в горле. — Спасибо, что хранишь это.

— Я храню всё, что связано с ним. С вами, — поправляется он. И в его взгляде появляется что-то такое прямое, обнажённое, что мне становится жарко.

Чтобы скрыть смущение, я тянусь к кружке с остывшим чаем. Рука дрогнула, чай расплёскивается, тёмное пятно растекается по моей белой блузке и... по распечатке с финансовой отчётностью.

— Чёрт! — вскакиваю я.

Марк движется быстрее. Он хватает со стола пачку салфеток, но не передаёт мне. Аккуратно, не прикасаясь ко мне, начинает промокать пятно на столе, спасая документы.

— Ничего страшного. Не кислотой же плеснула. — Его тон лёгкий, почти шуточный. — Блузку отмою. Документ перепечатаем. Главное — не нервничай.

Я стою, чувствуя себя неловким подростком. Смотрю, как он сосредоточенно работает салфеткой, его профиль освещён мягким светом. И вдруг замечаю то, чего раньше не видела: маленькую, едва заметную серебристую полоску — шрам у виска. Неотёсанный, старый.

Не думая, я протягиваю руку и касаюсь его кончиками пальцев.

— А это откуда?

Он замирает. Не отстраняется. Позволяет прикоснуться.

— Первая и последняя попытка заняться боксом в четырнадцать лет. Паренёк во дворе снял перчатку и решил, что я слишком умничаю. — Он поворачивает голову, и мои пальцы соскальзывают. — Урок усвоил: иногда лучше выглядеть слабым, но думать на десять шагов вперёд, чем лезть на рожон с кулаками.

— Ты никогда не выглядишь слабым, — говорю я честно.

— Это и есть главная иллюзия защиты, — он улыбается. По-настоящему. Впервые. Улыбка меняет всё его лицо, делает моложе, смывая с него налёт вечной усталости. — Пока все думают, что ты скала, они не видят трещин, по которым можно ударить.

Он встаёт, забирает мокрые салфетки.

— Иди, переодейся. А я приготовлю что-нибудь съедобное. Учебный день окончен.

Я иду в свою комнату, сжимая в руке запястье с холодным титановым браслетом. На коже ещё живое тепло от его пальцев. В ушах — эхо его улыбки.

И понимаю страшную вещь.

Я перестала бояться, что он меня предаст. Теперь я начинаю бояться другого. Того, что настолько привыкну к этой его надёжности, к этому спокойствию, к этим редким вспышкам чего-то личного за броней, что... уже не смогу без него.

А он — человек, который живёт в мире, где на него охотятся. Как и на меня.

Эта мысль холоднее любого страха. Потому что страх можно победить яростью. А что делать с этой... зарождающейся зависимостью от чужого дыхания?

В кухне слышится лёгкий стук посуды, запах чего-то простого и вкусного — лука, зелени.

Я прижимаю ладони к лицу. Завтра совет директоров. Первое настоящее сражение. А я думаю не о стратегии, а о шраме у него на виске и о том, как звучит его смех, которого я ещё не слышала.

Это опасно. Это очень, очень опасно.

Но почему-то, впервые за три года, я чувствую себя не просто живой. Я чувствую себя... **живущей.**

Глава 6.

МАРК

УТРО СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ. МАШИНА У ЗДАНИЯ ХОЛДИНГА «СОКОЛОВ ГРУПП»

Я сижу в серой служебной «Тойоте» в двух кварталах от стеклянной башни. В ухе — почти невесомый микрофон, в планшете на коленях — карта здания с тепловыми датчиками из её браслета. Её сердцебиение отображается как неровный, чуть учащённый зелёный график.

98 ударов в минуту. Волнуется.

— Дыхание, Алиса, — говорю я тихо, будто она может услышать меня без рации. — Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Ты готова.

В наушнике слышу её глубокий, осознанный вдох. И голос, тихий, но твёрдый:

— Я в лифте. Еду на 45-й.

— Помни: Борис Леонидович начнёт с провокации о твоём «эмоциональном состоянии». Улыбнись. Скажи: «Забота тронула, но цифры в отчёте говорят сами за себя». И переведи сразу на вопрос аудита безопасности.

— Поняла.

Я вижу на карте, как её точка движется к залу заседаний. Мои собственные нервы натянуты как струны. Эта операция тоньше, чем на верфи. Там был явный враг и явная угроза. Здесь враг в дорогом костюме, с улыбкой и ядом в голосе.

Она входит в зал. Через микрофон доносятся приглушённые голоса, лязг чашек, деловой гул.

«Алиса Аркадьевна, как приятно видеть вас в добром здравии после... всех этих тяжёлых событий».

Женский голос, слащавый. Кристина Павловна, глава PR. Змея в жемчугах.

— Спасибо, Кристина Павловна. Здоровье действительно позволяет сосредоточиться на делах компании. — Голос Алисы идеален. Спокоен, чуть прохладен, с лёгкой благодарностью. Браво.

Заседание начинается. Слушаю с закрытыми глазами, представляя каждый жест. Скучные отчёты, вопросы. Её ответы чётки, в цифрах, как мы и репетировали. Я позволяю себе на секунду ощутить гордость. Она учится стремительно.

И вот он. Борис Леонидович, его басок раздаётся, как удар колокола.

«...и, хотя мы все восхищаемся стойкостью нашего председателя, нельзя не учитывать психологический фактор. Управление таким активом требует стальных нервов. Не думаете ли вы, Алиса Аркадьевна, что было бы разумно... временно передать бразды правления более опытному, скажем так, стрессоустойчивому менеджменту? Для вашего же блага».

Тишина в зале. Её пульс на моём экране подскакивает до 110. Я стискиваю зубы.

— Спасибо за заботу, Борис Леонидович, — её голос звучит, будто она улыбается. — Она тронула. Однако, если посмотреть на цифры... — и она начинает сыпать данными: рост по двум ключевым направлениям за последний квартал, успешное закрытие судебного иска, который висел годами. Цифры, которые я ей подготовил, убийственные в своей точности. — ... что касается стрессоустойчивости, то, как показало вчерашнее заседание комитета по аудиту, именно невнимательность к «мелочам» безопасности в своё время привело к существенным рискам. О которых я и хочу внести предложение.

Ловкий манёвр. Идеально.

— Какое ещё предложение? — в голосе Бориса Леонидовича слышна настороженность.

Я открываю глаза. Решающий момент.

— Предлагаю инициировать независимый, комплексный аудит всей системы логистической и кадровой безопасности холдинга за последние пять лет. С привлечением международной компании «Крепость». — Она называет имя. Моей компании. Той самой, что существует только на бумаге, но имеет безупречную цифровую легенду.

В зале — гул. Её пульс ровный, 95. Она держится.

«Это колоссальные расходы! И зачем ворошить прошлое?» — кто-то другой.

«Чтобы убедиться, что настоящее — безопасно, — парирует Алиса. — После инцидентов с контрагентами, которые все помнят, это не роскошь. Это страховка от будущих, куда более серьёзных потерь».

Она ведёт себя как прирождённый стратег. Использует их же страхи, их жадность. «Потери» — для них магическое слово.

Идёт голосование. Я слышу скрип кресел, сдержанные перешёптывания. Алиса молчит. Я представляю, как она сидит, прямая как струна, глядя на них своим ледяным, наследственным взглядом.

— Результаты, — голос секретаря. — «За» — 42%. «Против» — 45%. Воздержались... Не хватило. Чёрт. Эти меркантильные морды сгруппировались.

Внезапно в наушнике раздаётся новый голос.

Тихий, но чёткий. Старый, слегка дрожащий.

«Я меняю свой голос с «против» на «за». Аркадий Петрович был моим другом. И если его дочь видит угрозу, которую мы, старики, просмотрели... я доверяю её интуиции. И её данным».

Это... Николай Фёдорович. Патриарх совета, который последние два года молчал как рыба. Его голос — это моральный авторитет. И он за.

В зале — взрыв возмущения. Но перевес теперь на нашей стороне. 47% против 43%.

— Предложение принято, — звучит голос Алисы, и в нём впервые за весь день слышна едва уловимая, победная нота.

Я откидываюсь на сиденье, выдыхая. Она сделала это. Сделала блестяще. Но это только начало. Теперь они знают, что она не сломленная девочка, а опасный игрок. И реакция будет...

Внезапно её пульс снова скачет. 125. 130.

— Марк... — её шёпот едва долетает до микрофона.

— Что случилось?

— Ко мне подошёл Борис Леонидович. Говорит... — её голос прерывается, потом звучит громче, явно обращаясь уже к нему: — ...не думаю, что это уместно обсуждать здесь, Борис Леонидович.

Что он сказал? Ледяная ярость подкатывает к горлу.

— Алиса, что он сказал? — требую я, уже хватаясь за ключ зажигания.

Её голос, приглушённый, полный отвращения:

— Он сказал: «Хорошо проделанная работа, Алиса. Ваш новый... консультант явно стоит своих денег. Надеюсь, его услуги исчерпываются только бизнес-советами». И посмотрел на меня так... Я никогда...

Мир сужается до красной точки. Он не просто оскорбил её. Он намекнул на меня. Значит, догадывается. Или уже знает.

— Выходи оттуда. Немедленно. Не одна, пусть с тобой выйдет Николай Фёдорович. Скажи, что плохо себя почувствовала. Сейчас же.

Я слышу, как она извиняется перед стариком, как её шаги быстры и решительны. Её точка движется к лифтам.

— Я в лифте. Еду вниз.

— Выходи через главный вход. Я подъеду через тридцать секунд.

Завожу машину, выезжаю на улицу, встаю в поток. Сердце колотится не из-за опасности, а из-за бешеной, животной ярости. Он посмел. Посмел смотреть на неё с таким намёком. Тро-нуть её даже словом.

Вижу её. Она выходит из стеклянных дверей, бледная, но с высоко поднятой головой. Рядом — седовласый Николай Фёдорович, что-то ей говорит, касаясь руки в жесте поддержки.

Я подъезжаю и резко выхожу, открываю дверь с её стороны. Она кивает старику, быстро садится внутрь. Я нажимаю на газ.

— Ты в порядке? — бросаю я, сжимая руль.

— Физически — да. Мне просто... противно. — Она смотрит в окно, её плечи напряжены.

— Он перешёл черту. Это уже не корпоративная война. Это личное.

— Он знает про тебя. Или догадывается.

— Пусть догадывается. Теперь он знает и про то, что ты ударила в ответ. И ударила больно. — Я делаю глубокий вдох, стараясь остудить ярость. — Ты была великолепна там. Настоящий лидер. Отец бы гордился.

Она поворачивается ко мне. В её глазах — не слёзы, а тот самый стальной блеск.

— Это только первый раунд. Теперь они будут бить по-настоящему. По аудиту. По тебе. По «Крепости».

— Пусть пробуют, — говорю я, и мои слова звучат как клятва. — «Крепость» — это мираж. Они будут гоняться за тенью. А мы тем временем найдём то, что спрятано за их высокими заборами. Уже сегодня вечером.

— Что? — в её голосе оживление.

— У Сорокина была дача. Скромная. Тот, кто его «убрал», вероятно, прочесал её. Но есть кое-что, что могли пропустить. Сосед. Пожилой рыбак, который, по данным, каждое утро пил с ним чай на причале. Мы едем к нему. Сейчас.

Я смотрю на неё. Усталость сменяется азартом, тем самым огнём, который я боялся навсегда потерять в её глазах.

— Ты уверен?

— Нет. Но это логичный следующий шаг. А логика — это всё, что у нас есть против их беспринципности.

Она молча кивает, затем откидывается на сиденье и закрывает глаза. Но не чтобы спать. Чтобы анализировать. Переваривать.

Мы едем за город, и я снова ловлю себя на том, что смотрю на неё не как на подопечную, а как на партнёра. Равного. Сильного. Своего.

И мысль о том, что какой-то Борис Леонидович посмел бросить на неё грязный взгляд, снова заставляет мою кровь стынуть.

Терпение, Марк. Сначала — информация. Потом — справедливость.

Но если он тронет её снова... тогда — месть. В самых ее изощренных проявлениях.

Глава 7.

АЛИСА

ЗАГОРОДНОЕ ШОССЕ, ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Машина Марка ест километры темного шоссе. За окном мелькают редкие огоньки дачных посёлков, потом их сменяет сплошная стена леса. Я сижу, прижавшись лбом к холодному стеклу, пытаюсь смыть с внутренних век мерзкую ухмылку Бориса Леонидовича.

«Надеюсь, его услуги исчерпываются только бизнес-советами».

Каждый раз, когда я это вспоминаю, по спине и бокам к животу бежит волна тошноты. Это было не просто оскорбление. Это был взгляд хищника, который учуял слабинку, зависимость. И он прав. Я завишу от Марка. Но не так, как он думает своим воспалённым больным мозгом.

Я краем глаза наблюдаю за ним. Его профиль чётко в свете приборной панели. Руки на руле лежат расслабленно, но я уже знаю — это обманчивое впечатление. Он всегда настороже. Всегда в тонусе.

— Как ты нашёл этого рыбака? — нарушаю я тишину. Мой вопрос висел в воздухе с момента, как он это озвучил.

Марк на секунду отрывает взгляд от дороги.

— После того как Сорокин исчез, я получил доступ к его банковским выпискам за последний год. Ничего явного. Но были регулярные небольшие списания в одном и том же магазине «Рыболов» в том районе. Раз в неделю. Как по расписанию. Потом — данные с вышек: его машина каждые выходные уезжала в одном направлении. Сопоставил. Получил адрес дачного кооператива. Дальше — старомодная слежка. Увидел, что по утрам он ходил на озеро с одним и тем же соседом.

Это так на него похоже. Видеть узор в хаосе. Соединять несоединимое.

— И ты три года... собирал все эти пазлы? О каждом подозрительном?

— О каждом, кто был хоть как-то связан с вашей семьёй в последний год. И с отцом — в последние пять лет.

Его голос звучит ровно, но в нём слышится тяжесть этой работы. Одиночной, бесконечной и опасной.

— Зачем? — спрашиваю я тише. — Ты мог уйти. У тебя были деньги, свои проекты. Зачем взвалил это на себя?

Он долго молчит. Свернул с асфальта на грунтовку, машину начало подбрасывать на кочках.

— Потому что он сказал мне: «Семья — это не только кровь, Марк. Это ответственность. За тех, кого ты любишь». Я любил его. Как отца. Любил твою маму за её доброту. Твоего брата... за его бесконечную дурь. — Он делает паузу, и в ней слышится пропасть боли. — А тебя... я обещал ему. И самому себе. Что если в мире останется хоть капля справедливости, то ты будешь жива. И будешь знать правду.

«Любил твою маму... твоего брата». Он говорит о них, как о своих. А я все эти годы думала, что кроме меня их некому вспомнить по-настоящему.

— Ты... ты бывал на кладбище? — вырывается у меня.

— Каждый месяц. В одно и то же число. Ставил белые хризантемы твоей маме. Гвоздики — брату. И коньяк — ему. Самый дорогой. Как он любил.

У меня перехватывает дыхание. Я поминаю их дома, в тишине. На кладбище... не была со дня похорон. Не могла. А он ходил. Месяц за месяцем. Нёс эту вахту памяти один.

— Почему ты не подошёл ко мне тогда? На поминках? Раньше?

— Потому что ты была в шоке. Потому что вокруг тебя уже тогда кишели те, кто, как я теперь уверен, причастен к убийству. Потому что мое появление стало бы для тебя не помощью, а угрозой. Они бы тут же среагировали. Мне нужно было стать тенью. Чтобы в нужный момент... стать шитом.

Машина останавливается на краю леса, перед покосившимся шлагбаумом. «Дачный кооператив «Озёрный». Он глушит двигатель. Темнота и тишина наваливаются со всех сторон.

— А сейчас? — шепчу я. — Почему сейчас решил стать не тенью, а... человеком рядом?

Он поворачивается ко мне. В темноте салона его лицо — всего лишь смутные очертания, но я чувствую его взгляд. Прямой, неотступный.

— Потому что тени не могут остановить пулю. А человек — может. И потому что... я увидел, что ты готова сражаться. Не просто выживать. А сражаться. Но сражаться в одиночку — это путь в никуда.

Он открывает дверь, и внутрь врывается холодный, пахнущий хвоей и сыростью воздух.

— Идём. Будь настороже. Ничего не трогай.

Мы идём по тропинке между заборами. Он светит фонариком с тусклым, рассеянным светом, не поднимая его высоко.

Домик Сорокина — маленький, обшитый вагонкой, с тёмными, как глазницы, окнами. Нам он не нужен. Нам нужен соседний, чуть более ухоженный, с лодкой-перевёртышем у калитки.

Марк стучит негромко, но настойчиво. Долго ничего не происходит. Потом скрип ставни, приоткрытая дверь, цепочка. Седая голова, колющий взгляд из-под густых бровей.

— Кого чёрт принёс в такое время?

— Простите за беспокойство. Мы ищем Николая Ивановича. По поводу Дмитрия Сорокина. Его соседа, — говорит Марк, его голос становится мягче, заговорщицким.

— А вы кто такие? Из полиции? Уже были, всё обыскали.

— Не из полиции. Из компании, где работал Дмитрий. Хотим помочь разобраться... с его долгами. Могли бы поговорить?

Старик хмыкает, цепочка брякает, дверь открывается.

— Долги... Знаю я эти долги. Заходите, коли не боитесь беспорядка.

Внутри пахнет табаком, рыбой и старой древесиной. На столе — разобранная спиннинговая катушка. Марк садится на предложенный табурет, я остаюсь у двери, наблюдая.

— Дмитрий часто говорил о работе? — начинает Марк.

— Что вы! Молчун был. Только про рыбалку. А в последнее время... нервничал.

— Не помните, с чего это началось? Может, звонки какие?

— Звонки... — старик почесал щетину. — Был один. При мне. Говорил тихо, но Дмитрий аж посерел весь. Я даже шутку бросил: «Митяй, тебя не кредиторы донимают?» А он так глянул... «Хуже, — говорит. — Совесть». И ушёл.

«Совесть». Слово повисает в прокуренном воздухе.

— А больше ничего? Может, он что-то оставлял вам на хранение? Книжки, бумаги какие? — Марк не давит, звучит почти небрежно.

— Куда там. Он... стойте. Разок, это весной было, попросил свою старую удочку «починить». Говорит, у него сломался самый ценный экземпляр. Я взял, посмотрел — да там всё целое. Только в рукоятке что-то потрескивало. Я открутил, а там... не свинец для баланса, а свёрток. Плёнка, а в ней флешка.

У меня замирает сердце. Марк не шелохнулся.

— И что же?

— Я ему отдал, конечно. Спрашиваю: «Митяй, ты шпион что ли?» Он засмеялся, горько так. «Хуже, — опять говорит. — Свидетель». И попросил... если с ним что, отдать это только тому, кто придёт с паролем. Я, говорит, тебе его скажу.

— И сказал? — голос Марка звучит тише.

Старик кивает, его глаза становятся хитрыми.

— Сказал. А вы с паролем-то пришли?

Марк медленно выдыхает. Я вижу, как напряглись его плечи. Он не знает пароля. Это тупик.

И тут в моей голове щёлкает. Фраза отца. Из письма. Та, что была у меня в кармане на верфи.

— «Доверяй только ветру», — говорю я тихо, но чётко.

Старик поворачивает ко мне голову. Его взгляд становится пристальным, оценивающим. Он молча встаёт, ковыляет к печке, сдвигает дрова в сторонку и достаёт оттуда замасленный, закопчённый свёрток.

— Вот. Он не пришёл. А вы пришли. Берите. И уходите. И меня не видели. Я тут рыбу ловить буду до морозной зимы, а потом — к дочери в Сочи. Надолго.

Марк берет свёрток. Он даже не смотрит на него.

— Спасибо вам. Вы сделали правильное дело.

— Дело... — бурчит старик. — Какое уж там дело. Человека не стало. Вы уж там... разберитесь.

Мы выходим в холодную ночь. Марк молча засовывает свёрток во внутренний карман куртки и берёт меня за локоть, ведя обратно к машине. Его пальцы сжаты крепче, чем нужно.

Только когда мы выезжаем на трассу, он говорит:

— Как ты узнала?

— Это была фраза отца. В той записке, что привела меня на верфь. «Доверяй только ветру». Думаю, Сорокин знал этот шифр. Он ведь был из старой гвардии папы, да?

— Да, — Марк кивает, и в его голосе слышится нечто вроде изумлённого уважения. — Да, был. Алиса, ты... ты только что, возможно, спасла всё расследование.

От его слов становится тепло. Не от комплимента. От того, что я была не обузой. Я была нужна.

— Откроем? — спрашиваю я, глядя на его карман.

— Не здесь. Дома. В чистой среде. Это может быть что угодно: от цифрового ключа до... чёрной книги.

Мы едем обратно в тишине, но это уже другая тишина. Наполненная ожиданием. Надеждой. Страхом.

В его квартире, за плотно зашторенными окнами, Марк надевает тонкие перчатки и вскрывает свёрток. Там действительно флешка. Самая обычная, на 16 гигабайт.

Он подключает её к своему «чистому» ноутбуку, запущенному с защищённой системы. На экране возникает папка с одним файлом. «Для Аркадия Петровича или его близких. Отчёт «Перевал».

Марк открывает его. Это не текст. Это сканы. Гаражные накладные. Фотографии грузовиков. И... медицинское заключение. О водителе той самой фуры, что выехала им навстречу. Заключение о стойкой ремиссии эпилепсии. Подписанное частным врачом... Бориса Леонидовича. За три месяца до аварии.

И последний лист. Распечатка цепочки переводов. С анонимного счёта — на счёт частной клиники того же врача. А с неё — на счёт фирмы-однодневки, учредителем которой числится племянник... нашей слащавой Кристины Павловны из PR.

Я смотрю на эти документы, и мир сужается до экрана. Вот оно. Первое прямое доказательство. Не улика — доказательство. Что это не несчастный случай. Что это спланированное убийство. И что в нём замешаны те, кто три года жал мне руку, притворяясь союзниками.

Я не плачу. Во мне нет места слезам. Есть только ледяная, абсолютная пустота, а потом — всепоглощающее пламя ярости.

— Мы уничтожим их, — говорит Марк, и его голос — низкий, вибрирующий от сдержанной ярости — звучит как эхо моих мыслей. — Мы разорим их. Посадим. Я обещаю тебе. Нет, я клянусь, чего бы мне это не стоило.

Он поворачивается ко мне. Его глаза горят в полутьме. И в этом огне нет ничего, кроме абсолютной, безоговорочной решимости.

И в этот миг я понимаю что-то окончательно и бесповоротно.

Моя война теперь — наша война. Моя боль — наша боль. Моя месть... будет нашей местью.

И это знание не делает меня слабее. Оно делает меня сильнее. Потому что я больше не одна.

Я протягиваю руку и кладу свою ладонь поверх его руки, сжимающей мышку. Он вздрагивает от прикосновения, но не отстраняется.

— Вместе, — говорю я одно-единственное слово.

Он переворачивает ладонь и сжимает мою, сплетая пальцы в надежный замок. Крепко. Так крепко, что кости трещат. Но это не боль. Это клятва.

— Вместе.

Встречайте новинку ЛитМоба «Ты моя вселенная» — «Балкон на двоих. Под прицелом», автор Ольга (Ольга Михайлова)

<https://litnet.com/shrt/T-46>

«Я сказала «нет» измене. Он ответил бандитами. Но судьба подарила мне Павла. Теперь мы вместе — и мы не отступим».

Глава 8.

МАРК

НОЧЬ. КВАРТИРА, СПУСТЯ ЧАС ПОСЛЕ НАХОДКИ

Молчание после бури — самая громкая вещь на свете.

Алиса сидит на краю дивана, уставившись в пустоту перед распечатанными документами. Доказательства лежат между нами, как труп на ковре. Она не плачет. Не кричит. Она окаменела. И это хуже всего.

Я наблюдаю. Знаю эту фазу. Шок. Оцепенение. Потом придёт боль, ярость, жажда немедленного действия. Опасная фаза.

— Они убили их из-за... акций? Из-за контроля над советом? — её голос звучит глухо, без интонации. Она не смотрит на меня. Смотрит на подпись врача под фальшивым медзаключением.

— Не только. Флешка Сорокина — это только верхушка. Это «как». Нам нужно понять «почему». Твой отец что-то готовил. Крупную сделку? Передел активов? Что-то, что угрожало их положению настолько, что они решились на... это.

— Я убью их, — говорит она просто. Как будто сообщает, что прогуляется за хлебом. — Я найду способ и убью их всех.

Вот она. Ярость. Белая, беспощадная. Я встаю, подхожу к панорамному окну, отгораживаю её взгляд от этих бумаг.

— Нет. Не убьёшь.

Она медленно поднимает на меня глаза. В них — беспросветный ад.

— Ты меня остановишь? Ты, который три года готовился именно к этому?

— Я готовился к правосудию. А не к самоубийству через месть, — мой голос звучит резче, чем хотелось. Но сейчас нужна жёсткость. — Ты думаешь, выйдешь к Борису Леонидовичу с этой распечаткой, и всё? Он сожжёт её у тебя на глазах, а тебя объявят невменяемой, пытающейся очернить уважаемых людей из-за не прошедшего горя. У них есть власть, связи, адвокаты. У нас есть флешка. Пока.

— Так что? Сидеть сложа руки?!

— Нет! — я хлопаю ладонью по подоконнику, и звук гулко раздаётся в тишине. — Действовать. Умно. Точечно. Как скальпель, а не как кувалда. Чтобы один раз ударить — и навсегда.

Она вскакивает, её сдержанность лопаается.

— МОИХ РОДИТЕЛЕЙ И БРАТА УБИЛИ! Ты понимаешь это?! Не «убрали». Не «ликвидировали». УБИЛИ. В огне и крови! А ты говоришь про скальпели! — Она задыхается, глаза горят. — Я хочу, чтобы они СТРАДАЛИ. Как я! Чтобы они БОЯЛИСЬ!

Я делаю шаг к ней, хватаю её за плечи. Не трясущ. Просто крепко держу, заземляя.

— Они будут бояться. Они уже боятся. Они убили Сорокина, когда поняли, что мы копаем. Они послали киллера на верфи. Они смотрят на тебя на совете, как на угрозу. Их страх — это наше оружие. Но если мы ударим вслепую, они ответят. И на этот раз у них не будет полумер. Понимаешь?

Она пытается вырваться, но мои пальцы впиваются в её хрупкие плечи.

— Отпусти!

— Нет. Пока ты не услышишь меня. Услышишь не телохранителя, а стратега. Мы не можем позволить эмоциям вести нас. Они ведут к провалу. К твоей гибели. А я, — я вкладываю в слова всю тяжесть своего обета, — НЕ ПОЗВОЛЮ ТЕБЕ ПОГИБНУТЬ. Даже если ты сама этого захочешь.

Она замирает. Дыхание её учащённое, грудь вздымается. В её глазах идёт борьба: слепая ярость против холодного рассудка. Рассудка, который я предлагаю.

— Что ты предлагаешь? — её голос снова становится тихим, хриплым.

— Сначала — эмоциональный выхлоп. Бей подушку. Кричи. Разбей кружку. Но не на мне и не на нашем плане. Потом — анализ. Завтра мы идём к тому врачу. Тихо. Без угроз. Мы предложим ему сделку: его показания против гарантий, что его имя не всплывёт в уголовном деле. Он мелкая рыба. Он испугается и сдаст тех, кто выше.

— А если не сдаст?

— Тогда у нас есть эта бумага. И мы передадим её не в полицию, где у них куплены люди, а в определённые СМИ. Одновременно с историей о том, как «сирота-миллиардерша» пыталась добиться правды, а её запугивали. Общественное давление — страшная сила. Особенно для тех, кто дорожит репутацией.

Я вижу, как в её взгляде просыпается интерес. Хищный, голодный.

— И тогда они сами его сдадут. Чтобы отвести удар от себя.

— Именно. Мы стравим их между собой. Посеем паранойю. Они начнут думать не о том, как убить тебя, а о том, как спасти свою шкуру, кинув подопечного. А когда падёт первый... цепь начнёт расползаться.

Я отпускаю её плечи. Она не отходит.

Стоит так близко, что чувствую её дрожь.

— Это... жестоко, — говорит она.

— Это справедливо, — поправляю я. — Месть — это когда ты стреляешь им в лоб. Справедливость — когда они сами садятся в ту тюрьму, которую построили для других.

Она отворачивается, обнимает себя руками. Снова та девочка, потерявшая всё. Но теперь в её позе не беспомощность, а сосредоточенность.

— Ты прав. Прости. Я... я не справилась.

— Ты справилась идеально. Ты вынесла это. Не сломалась. Теперь у нас есть цель и путь. И нам нужно быть единым фронтом. Любая трещина между нами — их победа.

Она кивает, потом поднимает на меня взгляд. В нём уже нет ярости. Есть усталость, боль и... решимость.

— Как ты это делаешь? — спрашивает она. — Отделяешь себя от... этого? — Она машет рукой в сторону стола с доказательствами.

— Я не отделяю. Я просто кладу это в отдельную комнату в голове. Запираю на ключ. И открываю только тогда, когда нужно. Если жить в этой комнате постоянно — сойдёшь с ума. Ты должна построить такую же.

— Учусь, — она пытается улыбнуться, но получается гримаса. — Пока плохо получается.

— Получается отлично. Сегодня ты не просто нашла улику. Ты вспомнила пароль. Ты была частью команды. А теперь... — я отхожу к мини-кухне, достаю две маленькие стеклянные кружки и бутылку хорошего скотча, — ...теперь мы выпьем. За них. И за нашу будущую победу.

Я наливаю по два пальца, протягиваю ей одну кружку. Она берет, смотрит на золотистую жидкость.

— Отец любил виски.

— Знаю. Это его. Из тайника в кабинете. Я забрал его... после. Думал, будет уместно.

Её глаза снова наполняются влагой, но она моргает, отгоняя слёзы.

— За них, — говорит она, поднимая кружку.

— За правду, — поправляю я и чокаюсь.

Мы пьём. Он острый, дымный, точно такой, каким он был. На мгновение он снова здесь, в комнате.

Алиса морщится от крепости, но делает ещё глоток.

— Что дальше? После врача?

— Параллельно мы начинаем финансовый анализ тех фирм-однодневок. Ищем конечных бенефициаров. Это будет паутина. Но в центре каждой паутины есть паук. Мы его найдём. А пока... — я забираю у неё пустую кружку, — ...тебе нужно спать. Завтра большой день.

— Не могу я сейчас спать.

— Можешь. Я дам тебе безопасное, лёгкое снотворное. На разок. Твой мозг должен отдохнуть.

Она не спорит. Слишком вымотана. Я приношу таблетку и стакан воды. Она послушно проглатывает.

— Ты... останешься здесь? — спрашивает она, когда я гашу основной свет, оставляя только торшер.

— В кресле. Я буду здесь.

— Ты не должен...

— Должен, — прерываю я. — Это входит в стратегию. Отдохнувший стратег важнее, чем недоспавший телохранитель. Спи.

Я сажусь в кресло у окна, откуда виден и вход, и она. Через двадцать минут её дыхание становится ровным и глубоким. Снотворное подействовало.

Я смотрю на неё, спящую, наконец отпустившую хоть на немного тот невыносимый груз. И смотрю на документы на столе.

Холодная ярость, которую я сдерживал для неё, накрывает меня с головой. Теперь, когда она не видит, я позволяю ей быть. Они думали, что убрали всех. Что она — сломанная игрушка. Что я — неудачник, который сбежал.

Они ошиблись.

Они разбудили не ярость сироты. Они разбудили наследницу. И её верного волка.

Я достаю телефон, отправляю зашифрованное сообщение своей «хакер-подруге», которая ждала сигнала:

«Зелёный свет. Начинаем операцию «Паутина». Первая цель — все связи частной клиники «Эскулап» и личные финансы доктора Глебова. Всё, что можно использовать для мягкого убеждения. Срок — до 12:00 завтра».

Ответ приходит мгновенно:

«Уже в процессе. У него любовница и счёт в Латвии. Этого хватит для начала?»

Я смотрю на спящую Алису. На её мирное лицо.

«Хватит. Мы не будем их бить. Мы будем их разоблачать. По одному. Пока от их империи лжи не останется даже пыль».

Кладу телефон. Прикрываю глаза. Но не сплю. Я слушаю её дыхание и шум города за окном.

И клянусь в тишине: завтра мы сделаем первый, настоящий шаг к их падению. И она будет идти рядом. Не как жертва. Как соратница.

А я... я буду тем, кто срежет все ветки и вырвет корни, чтобы она не споткнулась на пути к справедливости.

=====

Пока пишется следующая глава, хочу предложить порассуждать над некоторыми вопросами:

1. Можно ли назвать Марка и Алису союзниками на равных, или их отношения всё ещё строятся на иерархии (защитник/защищаемая)?

2. Удаётся ли автору балансировать между напряжёнными диалогами и лирическими отступлениями (например, момент с виски)? Что работает сильнее?

3. Как вы относитесь к идее, что «справедливость» может быть холоднее и страшнее, чем месть?

Глава 9.1.

АЛИСА

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Сон был без сновидений, чёрный и густой, как смола. Я проснулась от запаха кофе и тихого стука клавиш. Марк уже работал за столом, на экране его ноутбука мелькали графики и цепочки чисел. Он выглядел так, будто не спал вовсе, но в его движениях не было ни намёка на усталость — только сосредоточенная энергия.

— Сколько времени? — мой голос хрипел от сна.

— Десять утра. У нас есть час до визита. Поешь. — Он кивнул на кухонный остров, где стояла накрытая прозрачным куполом тарелка с омлетом и зеленью.

Я ела, внимательно наблюдая за ним. Он был другим. Более... тревожным. Более опасным. Вчерашняя ярость, которую он сдерживал, теперь трансформировалась в холодную, расчётливую решимость. Это было почти физически ощутимо — как будто в комнате стоял заряженный до предела конденсатор.

— Что это? — я подошла, указывая на схему на экране.

— Сети влияния. Видишь? Клиника «Эскулап» — здесь. От неё ниточки идут к трём благотворительным фондам. Эти фонды спонсируют... — он увеличил изображение, — определённые политические инициативы. А те, в свою очередь, лоббируют интересы в комитете по здравоохранению, где сидит... шурин нашего друга Бориса Леонидовича. Это не просто взятка за фальшивую справку. Это система взаимного прикрытия.

— Значит, он не мелкая рыбка. Он часть большого организма.

— Да. И поэтому наш подход должен быть тоньше. Мы не будем угрожать. Мы предложим выход из системы. Более безопасный, чем то, что ему предлагают они.

ПРИГОРОД, ЧАСТНАЯ КЛИНИКА «ЭСКУЛАП»

В 11:30 мы стояли у входа в клинику — невзрачное, но дорогое здание в неоклассическом стиле. Я надела тёмные очки и платок, чтобы не быть узнанной с первого взгляда. Сердце билось часто, но не от страха. От адреналина. От осознания, что мы переходим Рубикон.

Марк сказал администратору всего две фразы: «Доктору Глебову от Аркадия Петровича Соколова. По личному делу». Лицо женщины мгновенно стало серьёзным, она что-то пробормотала в трубку, и через минуту нас провели в лифт, на третий этаж, в просторный, но аскетичный кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.